

Волшебный мир сказок

Автор-составитель:
Баранова О.И.

Хрестоматия для начальной школы. Волшебный мир сказок/ Сост. Баранова О.И. – Пермь: Издательство «Ярче», 2021. – 52 с.

В руках вы держите Хрестоматию, предназначенную для учащихся начальной школы «Волшебный мир сказок».

Цель – расширить круг чтения ребенка. В хрестоматию помещены произведения, которые помогают погрузиться в мир чудес и невероятных приключений.

Тексты отобраны в соответствии с возрастом детей. Хрестоматия способствует развитию детского воображения, интереса к чтению, умения творчески интерпретировать прочитанное.

Издательство «Ярче», 2021

Дорогой друг!

Ты держишь в руках хрестоматию «Волшебный мир сказок», предназначенную не только для уроков чтения, но и для занятий по внеклассному чтению, самостоятельной работы дома.

Книга приглашает тебя совершить путешествие в волшебный мир сказок. В этом таинственном мире ты познакомишься с фантастическими героями, увидишь, как добрые силы борются со злыми, а правда побеждает тьму и несправедливость.

Содержание

Горшочек каши.....	5
Гуси-Лебеди.....	8
Морозко.....	14
Белая уточка.....	19
Никита Кожемяка.....	25
Лихо одноглазое.....	28
Снегурочка.....	31
Сивка-Бурка.....	34
Крошечка-Хаврошечка.....	41
Сестрица Алёнушка и братец Иванушка...	46

Горшочек каши

Жила-была одна девочка. Пошла девочка в лес за ягодами и встретила там старушку.

— Здравствуй, девочка, — сказала ей старушка. — Дай мне ягод, пожалуйста.

— На, бабушка, — говорит девочка.

Поела старушка ягод и сказала:

— Ты мне ягод дала, а я тебе тоже что-то подарю. Вот тебе горшочек. Стоит тебе только сказать:

«Раз, два, три, Горшочек, вари!»

и он начнет варить вкусную, сладкую кашу.

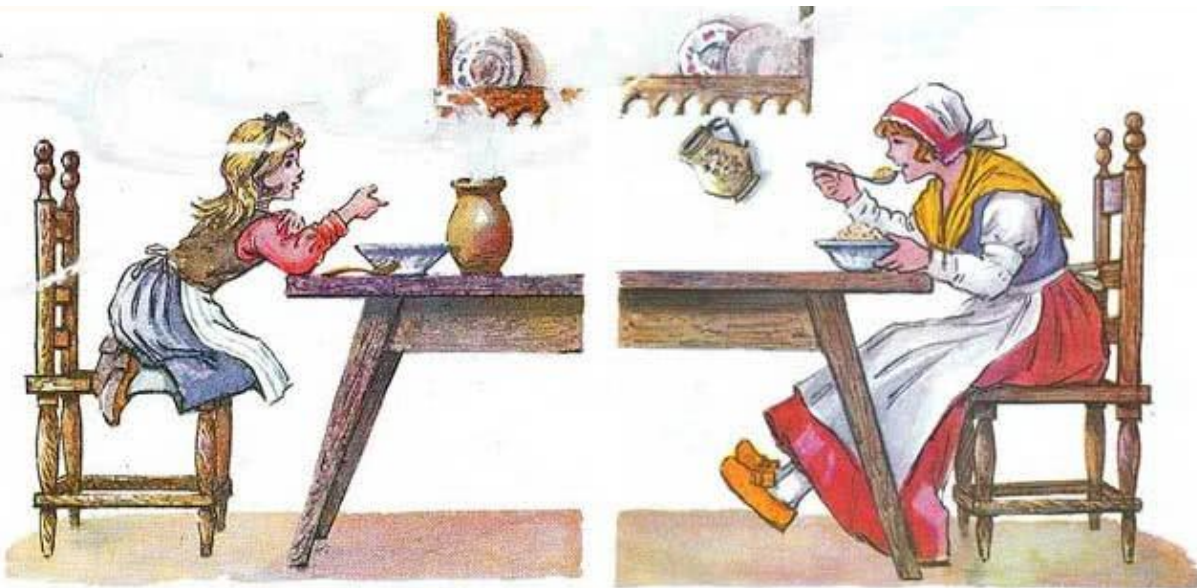
А скажешь ему:

«Раз, два, три, Больше не вари!»

— и он перестанет варить.

— Спасибо, бабушка, — сказала девочка, взяла горшочек и пошла домой, к матери.

Обрадовалась мать этому горшку. Да и как не радоваться? Без труда и хлопот всегда на обед вкусная, сладкая каша готова.

Вот однажды ушла девочка куда-то из дому, а мать поставила горшочек перед собой и говорит:

«Раз, два, три, Горшочек, вари!»

Он и начал варить. Много каши наварил. Мать поела, сыта стала. А горшочек все варит и варит кашу. Как его остановить? Нужно было сказать:

«Раз, два, три, Больше не вари!»

— да мать забыла эти слова, а девочки дома не было. Горшочек варит и варит. Уже вся комната полна каши, уж и в прихожей каша, и на крыльце каша, и на улице каша, а он все варит и варит.

Испугалась мать, побежала за девочкой, да не перебраться ей через дорогу — горячая каша рекой течет.

Хорошо, что девочка недалеко от дома была. Увидала она, что на улице делается, и бегом побежала домой. Кое-как взобралась на крылечко, открыла дверь и крикнула:

«Раз, два, три, Больше не вари!»

И перестал горшочек варить кашу.

А наварил он ее столько, что тот, кому приходилось из деревни в город ехать, должен был себе в каше дорогу проедать.

Только никто не жаловался. Уж очень вкусная и сладкая была каша.

Гуси-лебеди

Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

— Доченька, — говорила мать, — мы пойдем на работу, береги братца!

Не ходи со двора, будь умницей — мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь — братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда — нету!

Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью, — братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом.

Тут она догадалась, что они унесли ее братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава — что они пошаливали, маленьких детей уносили. Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела — стоит печь.

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

Печка ей отвечает:

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу.

— Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала. Побежала девочка дальше — стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего лесного яблочка — скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала. Побежала девочка дальше.

Течет молочная река в кисельных берегах.

— Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего простого киселька с молочком — скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонится к вечеру, делать нечего — надо идти домой. Вдруг видит — стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается.

В избушке старая баба-яга прядет кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

— Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

— Садись покуда кудель прясть.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядет — вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

— Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

— Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях покатается.

Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

— Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала. А баба-яга подойдет к окошку и спрашивает:

— Девица, прядешь ли?

Мышка ей отвечает:

— Пряду, бабушка...

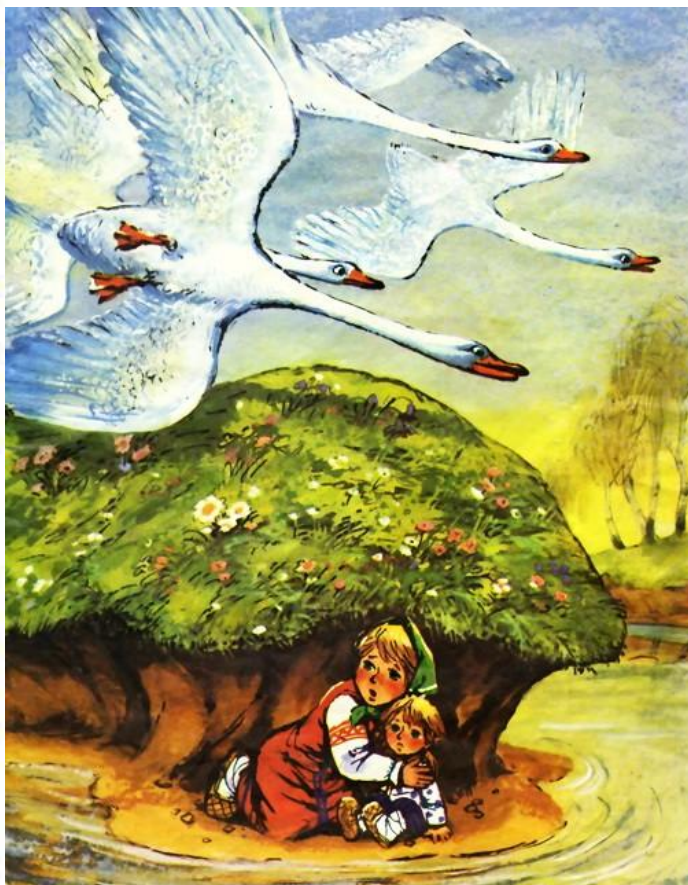
Баба-яга баню вытопила и пошла за девочкой. А в избушке нет никого. Баба-яга закричала:

— Гуси-лебеди! Летите в погоню! Сестра братца унесла!..

Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит — летят гуси-лебеди.

— Речка, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла ее под кисельным бережком. Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо.

Девочка с братцем опять побежала. А гуси-лебеди воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня...

— Яблоня, матушка, спрячь меня!

— Поешь моего лесного яблочка. Девочка поскорее съела и спасибо сказала. Яблоня ее заслонила ветвями, прикрыла листьями.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо.

Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидели ее, загоготали — налетают, крыльями бьют, того гляди, братца из рук вырвут.

Добежала девочка до печки:
— Печка, матушка, спрячь меня!
— Поешь моего ржаного пирожка.
Девочка скорее — пирожок в рот, а сама с братцем —
в печь, села в устье.
Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-
покричали и ни с чем улетели к бабе-яге.
Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем
прибежала домой.
А тут и отец с матерью пришли.

Морозко

Живало-бывало, - жил дед да с другой женой. У деда была дочка и у бабы была дочка. Все знают, как за мачехой жить: перевернешься - бита и недовернешься - бита. А родная дочь что ни сделает - за все глядят по головке: умница. Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела еще до свету... Ничем старухе не угодить - все не так, все худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится - не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.
- Вези, вези ее, старик, - говорит мужу, - куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадей: – Садись, милая дочь, в сани. Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит – невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

– Тепло ли тебе, девица?

– Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощелкивает:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

- Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

- Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами. А мачеха по ней уж поминки справляет, печет блины и кричит мужу:

- Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места, - под большою елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около - короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой. А дома старуха печет блины, а собачка под столом:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут. Старуха бросит ей блин:

- Не так тывкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут. Старуха блины ей кидала и била ее, а собачка - все свое...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица - в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый. Старуха глянула и руки врозь...

- Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит. А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:

- Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

- Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

- Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела. Чуть свет старуха посылает мужа:

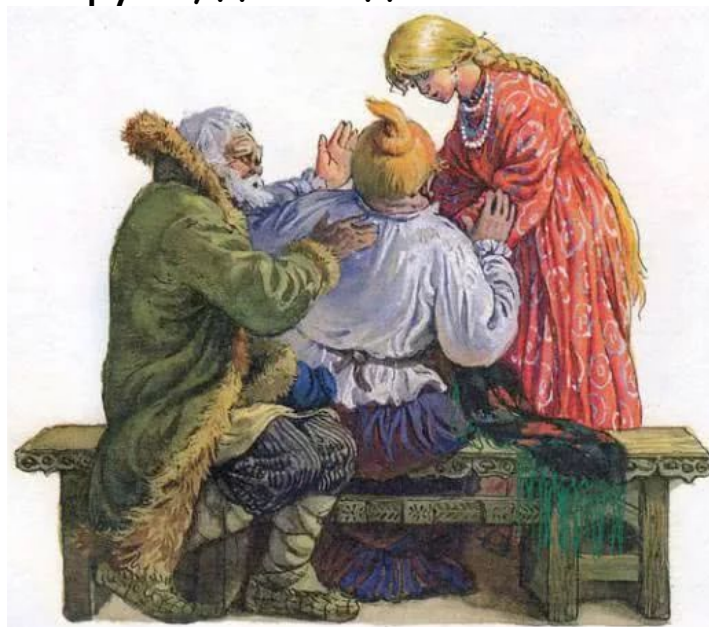
- Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре... Старик уехал. А собачка под столом:

- Тяф! Тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог: - Не так тывкаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка - все свое: - Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая. Заголосила старуха, да поздно.

Белая уточка

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать висока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить. Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная!

— Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

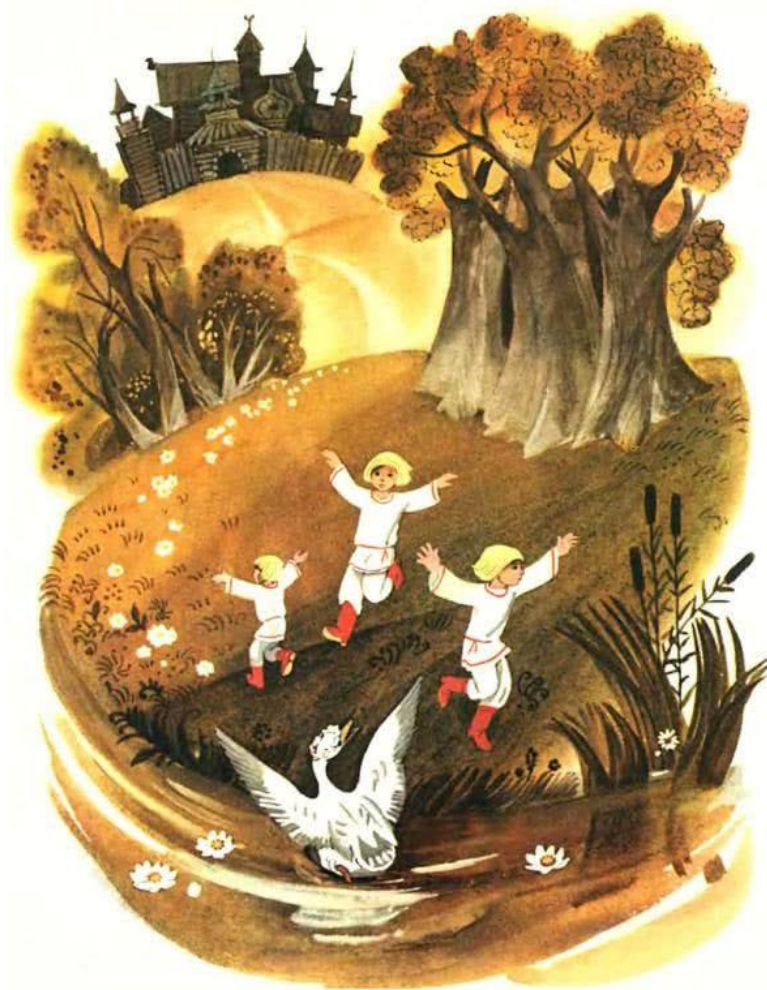
Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, — и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

— Что, — говорит женщина, — день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

— Нет, нет, не хочу! — А там подумала: ведь искупаться не беда!

Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только
окунулась, женщина ударила ее по спине:
— Плыви ты, — говорит, — белою уточкой!
И поплыла княгиня белою уточкой.
Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась,
намалевалась и села ожидать князя.
Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж
бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует.
Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.
А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек: двух
хороших, а третьего — заморышка; и деточки ее
вышли — ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

— Ох, не ходите туда, дети! — говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше — и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули; а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить, — заморышек-то и не спит, все слышит, все видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

— Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие, ножи точат булатные!

— Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

— Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы висят кипучие, ножи точат булатные!

«Что же это все один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукой — и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепелась она и полетела на княжий двор.

На княжем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

— Кря, кря, мои деточки! Кря, кря, голубяточки!

Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Темну ночь недосыпала,
Сладок кус недоедала!

— Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

— Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать! Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

— Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца рóдного,
Отца рóдного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уточек,
А сама живет — величается!

«Эге!» — подумал князь и закричал:

— Поймайте мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала.

Взял он ее за крылышко и говорит:

— Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой — говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога — там стала кочерга; где рука — там грабли; где голова — там куст да колода. Налетели птицы — мясо поклевали, поднялись ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

Никита Кожемяка

В старые годы появился невдалеке от Киева страшный змей. Много народа из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записочку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлет ее домой. Собачонка записочку отнесет и ответ принесет.

Вот раз царь и царица пишут царевне: узнай-де от змея, кто его сильнее. Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

— Есть, — говорит змей, — в Киеве Никита Кожемяка — тот меня сильнее.

Как ушел змей на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея. Пошлите Никиту меня из неволи выручить.

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошел его просить выручить их дочку из тяжелой неволи. В ту пору мят Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидел Никита царя — испугался: руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож.

Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и, сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну, не пошел.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять тысяч малолетних сирот — осиротил их лютый змей, — и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насмолил ее смолою, весь пенькою обмотался и пошел.

Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, бревнами завалился и к нему не выходит.

— Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу! — сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они бились, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

— Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет. Разделим весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я — в другой.

— Хорошо, — сказал Никита. — Надо же прежде межу проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в нее змея и стал от Киева межу прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею:

— Землю мы разделили — теперь давай море делить, чтобы о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить — вогнал Никита змея в Черное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна: стоит она валом сажени на две высотыю. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют ее на память о Никите Кожемяке.

Лихо одноглазое

Жил кузнец припеваючи, никакого лиха не знал.
— Что это, — говорит кузнец, — никакого я лиха на веку своем в глаза не видал! Хоть посмотрел бы, какое там такое лихо на свете.

Вот и пошел кузнец лиха искать. Шел, шел, зашел в дремучий лес; ночь близко, а ночевать негде и есть хочется. Смотрит по сторонам и видит: неподалеку стоит большущая изба. Постучал — никто не отзывается; отворил дверь, вошел — пусто, нехорошо! Забрался кузнец на печь и лег спать не ужинавши.

Стал было уже засыпать кузнец, как дверь отворилась, и вошло в избу целое стадо баранов, а за ними Лихо — баба огромная, страшная, об одном глазе. Понюхало Лихо по сторонам и говорит:

— Э, да у меня, никак, гости; будет мне, Лиху, что позавтракать: давненько я человеческого мяса не едало.

Вздуло Лихо лучину и стащило кузнеца с печи, словно ребенка малого.

— Добро пожаловать, нежданный гость! Спасибо, что забрел; чай, ты проголодался и отощал, — и щупает Лихо кузнеца, жирен ли, а у того от страха все животики подвело.

— Ну, нечего делать, давай сперва поужинаем, — говорит Лихо; принесло большое беремя дров, затопило печь, зарезало барана, убрало и изжарило.

Сели ужинать. Лихо по четверти барана за раз в рот кладет, а кузнецу кусок в горло не идет, даром что целый день ничего не ел. Спрашивает Лихо у кузнеца:

— Кто ты таков, добрый человек?

— Кузнец.

— А что умеешь ковать?

— Да все умею.

— Скуй мне глаз!

— Изволь, — говорит кузнец, — да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься: я бы тебе вковал глаз.

Лихо принесло две веревки — одну толстую, а другую потоньше. Кузнец взял веревку потоньше, связал Лихо, да и говорит:

— А ну-ка, бабушка, повернись! Повернулось Лихо и разорвало веревку. Вот кузнец взял уже толстую веревку, скрутил бабушку хорошенько.

— А ну-ка теперь повернись!

Повернулось Лихо и не разорвало веревок.

Тогда кузнец нашел в избе железный шкворень, разжег его в печи добела, поставил Лиху на самый глаз, на здоровый, да как ударит по шкворню. Повернулось Лихо, разорвало все веревки, вскочило как бешеное, село на порог и крикнуло:

— Хорошо же, злодей! Теперь ты не уйдешь от меня.

Пуще прежнего испугался кузнец, сидит в углу ни жив ни мертв; так всю ночь и просидел — даром что спать хотелось. Поутру стало Лихо выпускать баранов на пашню, да все по одному: пощупает, точно ли баран, хватит за спину да и выкинет за двери. Кузнец вывернул свой тулуп шерстью вверх, надел в рукава и пошел на четвереньках. Лихо пощупало: чует — баран, схватило кузнеца за спину да и выкинуло из избы.

Вскочил кузнец, перекрестился и давай бог ноги. Прибежал домой; знакомые его спрашивают:

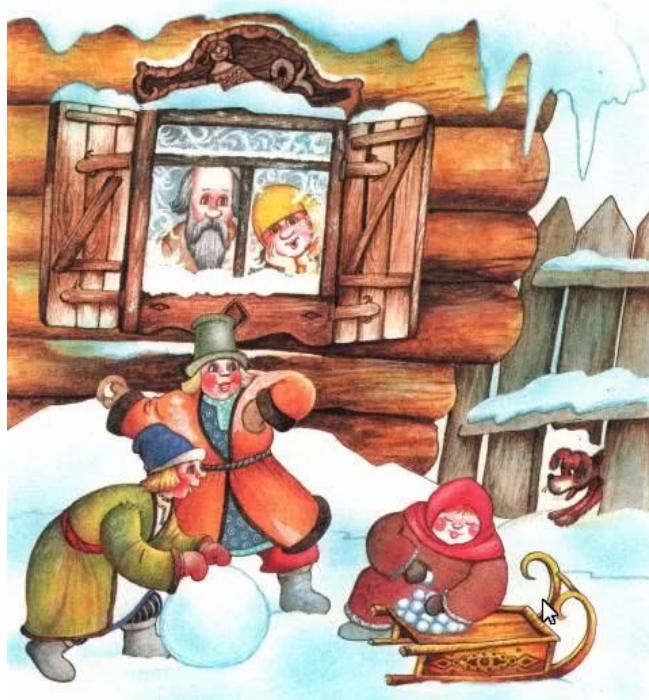
— Отчего это ты поседел?

— У Лиха переночевал, — говорит кузнец, — знаю я теперь, что такое лихо: и есть хочется, да не ешь, и спать хочется, да не спишь.

Снегурочка

Жили-были старик со старухой. Жили ладно, дружно. Все бы хорошо, да одно горе — детей у них не было.

Вот пришла зима снежная, намело сугробов до пояса, высыпали ребятишки на улицу поиграть, а старик со старухой на них из окна глядят да про свое горе думают.

— А что, старуха, — говорит старик, — давай мы себе из снега дочку сделаем.

— Давай, — говорит старуха.

Надел старик шапку, вышли они на огород и принялись дочку из снега лепить.

Скатали они снежной ком, ручки, ножки приладили, сверху снежную голову приставили. Вылепил старик носик, рот, подбородок.

Глядь — а у Снегурочки губы порозовели, глазки открылись; смотрит она на стариков и улыбается. Потом закивала головкой, зашевелила ручками, ножками, стряхнула с себя снег — и вышла из сугроба живая девочка.

Обрадовались старики, привели ее в избу. Глядят на нее, не налюбуются.

И стала расти у стариков дочка не по дням, а по часам; что ни день, то все краше становится. Сама беленькая, точно снег, коса русая до пояса, только румянца нет вовсе.

Не нарадуются старики на дочку, души в ней не чают. Растет дочка и умная, и смышленная, и веселая. Со всеми ласковая, приветливая. И работа у Снегурочки в руках спорится, а песню запоет — заслушаешься.

Прошла зима. Начало пригревать весеннее солнышко. Зазеленела трава на проталинах, запели жаворонки.

А Снегурочка вдруг запечалилась.

— Что с тобой, дочка? — спрашивает старик. — Что ты такая невеселая стала? Иль тебе не можется?

— Ничего, батюшка, ничего, матушка, я здорова.

Вот и последний снег растаял, зацвели цветы на лугах, птицы прилетели.

А Снегурочка день ото дня все печальнее, все молчаливее становится. От солнца прячется. Все бы ей тень да холодок, а еще лучше — дождичек.

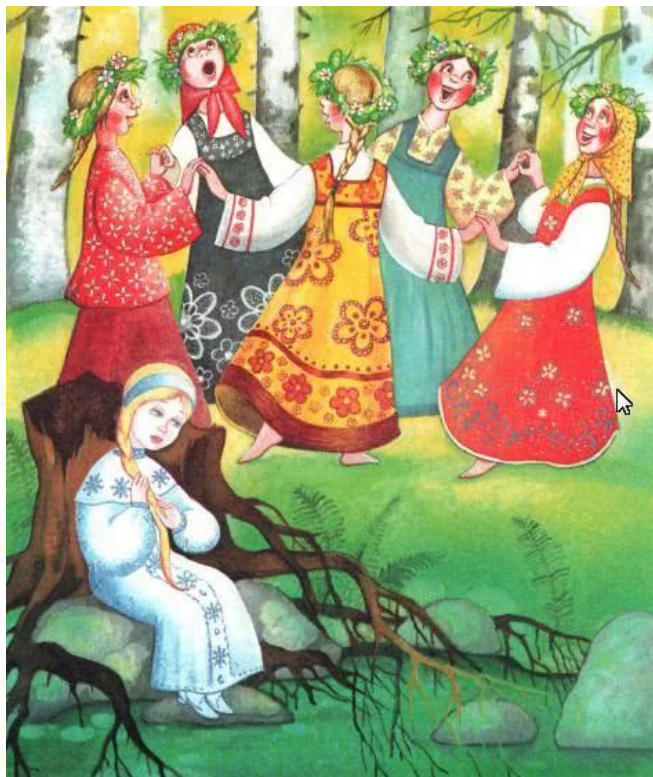
Раз надвинулась черная туча, посыпался крупный град. Обрадовалась Снегурочка граду, точно жемчугу перекатному. А как снова выглянуло солнышко и град растаял, Снегурочка заплакала, да так горько, словно сестра по родному брату.

За весной лето пришло. Собрались девушки на гулянье в рощу, зовут Снегурочку:

— Идем с нами, Снегурочка, в лес гулять, песни петь, плясать.

Не хотелось Снегурочке в лес идти, да старуха ее уговорила:

— Поди, дочка, повеселись с подружками!

Пришли девушки со Снегурочкой в лес. Стали цветы собирать, венки плести, песни петь, хороводы водить. Только одной Снегурочке по-прежнему невесело. А как свечерело, набрали они хворосту, разложили костер и давай все друг за дружкой через огонь прыгать. Позади всех и Снегурочка встала.

Побежала она в свой черед за подружками. Прыгнула над огнем и вдруг растаяла, обратилась в белое облачко. Поднялось облачко высоко и пропало в небе. Только и слышали подружки, как позади простонало что-то жалобно: «Ау!» Обернулись они — а Снегурочки нет.

Стали они кликать её:

— Ау, ау, Снегурочка!

Только эхо им в лесу и откликнулось.

Сивка-Бурка

Жил-был старик, у него было три сына. Старшие занимались хозяйством, были тароваты и щеголеваты, а младший, Иван-дурак, был так себе - любил в лес ходить по грибы, а дома все больше на печи сидел.

Пришло время старику умирать, вот он и наказывает сыновьям:

- Когда помру, вы три ночи подряд ходите ко мне на могилу, приносите мне хлеба.

Старика этого схоронили. Приходит ночь, надо большому брату идти на могилу, а ему не то лень, не то боится, - он и говорит младшему брату:

- Ваня, замени меня в эту ночь, сходи к отцу на могилу. Я тебе пряник куплю.

Иван согласился, взял хлеба, пошел к отцу на могилу. Сел, дожидается. В полночь земля расступилась, отец поднимается из могилы и говорит:

- Кто тут? Ты ли, мой больший сын? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют, или чадо мое плачет?

Иван отвечает:

- Это я, твой сын. А на Руси все спокойно

Отец наелся хлеба и лег в могилу. А Иван направился домой, дорогой набрал грибов. Приходит

- старший сын его спрашивает:

- Видел отца?

- Видел.

- Ел он хлеб?

- Ел. Досыта наелся.

Настала вторая ночь. Надо идти среднему брату, а ему не то лень, не то боится - он и говорит:

- Ваня, сходи за меня к отцу. Я тебе лапти сплету.

- Ладно.

Взял Иван хлеба, пошел к отцу на могилу, сел, дожидается. В полночь земля расступилась, отец поднимается и спрашивает:

- Кто тут? Ты ли, мой средний сын? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют, или мое чадо плачет?

Иван отвечает:

- Это я, твой сын. А на Руси все спокойно.

Отец наелся хлеба и лег в могилу. А Иван пошел домой, дорогой опять набрал грибов. Средний брат его спрашивает:

- Отец ел хлеб?

- Ел. Досыта наелся.

На третью ночь настала очередь идти Ивану, Он говорит братьям:

- Я две ночи ходил. Ступайте теперь вы к отцу на могилу, а я отдохну.

Братья ему отвечают:

- Что ты, Ваня, тебе стало там знакомо, иди лучше ты.

- Ну ладно.

Иван взял хлеба, пошел. В полночь земля расступается, отец поднялся из могилы:

- Кто тут? Ты ли, мой младший сын Ваня? Скажи, что делается на Руси: собаки ли лают, волки ли воют, или чадо мое плачет?

Иван отвечает:

- Здесь твой сын Ваня. А на Руси все спокойно.

Отец наелся хлеба и говорит ему:

- Один ты исполнил мой наказ, не побоялся три ночи ходить ко мне на могилу. Выдь в чистое поле и крикни: "Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!" Конь к тебе прибежит, ты залезь ему в правое ухо, а вылезь в левое. Станешь куда какой молодец. Садись на коня и поезжай.

Иван взял узду, поблагодарил отца и пошел домой, дорогой опять набрал грибов. Дома братья его спрашивают:

- Видел отца?

- Видел.

- Ел он хлеб?

- Отец наелся досыта и больше не велел приходить.

В это время царь кликнул клич: всем добрым молодцам, холостым, неженатым, съезжаться на царский двор. Дочь его, Несравненная Красота, велела построить себе терем о двенадцати столбах, о двенадцати венцах. В этом тереме она сядет на самый верх и будет ждать, кто бы с одного лошадиного скака доскочил до нее и поцеловал в губы.

За такого наездника, какого бы роду он ни был, царь отдаст в жены свою дочь, Несравненную Красоту, и полцарства в придачу.

Услышали об этом Ивановы братья и говорят между собой:

- Давай попытаем счастья.

Вот они добрых коней овсом накормили, выводили, сами оделись чисто, кудри расчесали. А Иван сидит на печи за трубой и говорит им:

- Братья, возьмите меня с собой счастья попытать!

- Дурак, запечина! Ступай лучше в лес за грибами, нечего людей смешить.

Братья сели на добрых коней, шапки заломили, свистнули, гикнули - только пыль столбом. А Иван взял узду и пошел в чистое поле. Вышел в чистое поле и крикнул, как отец его учил:

- Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Откуда ни возмись конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит. Стал как вкопанный и спрашивает:

- Чего велишь?

Иван коня погладил, взнуздал, влез ему в правое ухо, а в левое вылез и сделался таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел на коня и поехал на царский двор. Сивка-бурка бежит, земля дрожит, горы-долы хвостом застиляет, пни-колоды промеж ног пускает.

Приезжает Иван на царский двор, а там народу видимо-невидимо. В высоком тереме о двенадцати столбах, о двенадцати венцах на самом верху в окошке сидит царица Несравненная Красота.

Царь вышел на крыльцо и говорит:

- Кто из вас, молодцы, с разлету на коне доскочит до окошка да поцелует мою дочь в губы, за того отдам ее замуж и полцарства в придачу.

Тогда добрые молодцы начали скакать. Куда там - высоко, не достать! Попытались Ивановы братья, до середины не доскочили. Дошла очередь до Ивана.

Он разогнал Сивку-бурку, гикнул, ахнул, скакнул - двух венцов только не достал. Взвился опять, разлетелся в другой раз - одного венца не достал. Еще завертелся, закружился, разгорячил коня и дал рыскача - как огонь, пролетел мимо окошка, поцеловал царевну Несравненную Красоту в сахарные уста, а царица ударила его кольцом в лоб, приложила печать.

Тут весь народ закричал:

- Держи, держи его!

А его и след простыл. Прискакал Иван в чистое поле, влез Сивке-бурке в левое ухо, а из правого вылез и сделался опять Иваном-дураком. Коня пустил, а сам пошел домой, по дороге набрал грибов. Обвязал лоб тряпичной, залез на печь и полеживает.

Приезжают его братья, рассказывают, где были и что видели.

- Были хороши молодцы, а один лучше всех - с разлету на коне царевну в уста поцеловал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал.

Иван сидит за трубой и говорит:

- Да не я ли это был?

Братья на него рассердились:

- Дурак - дурацкое и орет! Сиди на печи да ешь свои грибы.

Иван потихоньку развязал тряпицу на лбу, где его царевна кольцом ударила, - избу огнем осветило.

Братья испугались, закричали:

- Что ты, дурак, делаешь? Избу сожжешь!

На другой день царь зовет к себе на пир всех бояр и князей, и простых людей, и богатых и нищих, и старых и малых.

Ивановы братья стали собираться к царю на пир. Иван им говорит:

- Возьмите меня с собой!

- Куда тебе, дураку, людей смешить! Сиди на печи да ешь свои грибы.

Братья сели на добрых коней и поехали, а Иван пошел пешком. Приходит к царю на пир и сел в дальний угол. Царевна Несравненная Красота начала гостей обходить. Подносит чашу с медом и смотрит, у кого на лбу печать.

Обошла она всех гостей, подходит к Ивану, и у самой сердце так и защемило. Взглянула на него - он весь в саже, волосы дыбом.

Царевна Несравненная Красота стала его спрашивать:

- Чей ты? Откуда? Для чего лоб завязал?

- Ушибся.

Царевна ему лоб развязала - вдруг свет по всему дворцу. Она и вскрикнула:

- Это моя печать! Вот где мой суженый!

Царь подходит и говорит:

- Какой это суженый! Он дурной, весь в саже.

Иван говорит царю:

- Дозволь мне умыться.

Царь дозволил. Иван вышел на двор и крикнул, как его отец учил:

- Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Откуда ни возмись конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым столбом валит.

Иван ему в правое ухо влез, из левого вылез и сделался опять таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Весь народ так и ахнул.

Разговоры тут были коротки: веселым пирком да за свадьбу.

Крошечка-Хаврошечка

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подает, и прибирает, и за всех и за все отвечает.

А были у хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно — ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого!

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

— Коровушка-матушка! Меня бьют, жуют, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму дали пять пудов напрядь, наткать, побелить, в трубы покатасть.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка — все готово: и наткано, и побелено, и покатано.

Отнесет к мачехе; та поглядит, покрехтит, спрячет в сундук, а ей еще больше работы задаст. Хаврошечка опять придет к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет принесет.

Дивится старуха, зовет Одноглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?

Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку.

Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает:

— Спи, глазок, спи, другой!

Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка все еще спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте еще больше работы дала.

И Триглазка, как ее старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поет:

— Спи, глазок, спи, другой! — а об третьем забыла.

Два глаза заснули, а Третий глядит и все видит, все — как красная девица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Все, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову! Старик так, сяк:

— Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

— Режь, да и только!

Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке:

— Коровушка-матушка! Тебя хотят резать.

— А ты, красная девица, не ешь моего мяса; косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассадити и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай.

Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая — боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — тот заглядывается.

Случилось раз — девушки гуляли по саду; на ту пору ехал по полю барин — богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек:

— Девицы-красавицы! — говорит он. — Которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались — ручки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не зная.

Сестрица Алёнушка и братец Иванушка

Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Алёнушка да Иванушка одни-одинешеньки.

Пошла Алёнушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

— Сестрица Алёнушка, я пить хочу!

— Подожди, братец, дойдем до колодца.

Шли-шли, — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, хлебну я из копытца!

— Не пей, братец, телёночком станешь!

Братец послушался, пошли дальше. Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

— Сестрица Алёнушка, напьюсь я из копытца!
— Не пей, братец, жеребёночком станешь!
Вздыхнул Иванушка, опять пошли дальше. Идут, идут,
— солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот
выступает. Стоит козье копытце полно водицы.
Иванушка говорит:
— Сестрица Алёнушка, мочи нет: напьюсь я из
копытца!
— Не пей, братец, козлёночком станешь!
Не послушался Иванушка и напился из козьего
копытца. Напился и стал козлёночком...
Зовет Алёнушка братца, а вместо Иванушки бежит за
ней беленький козлёночек.
Залилась Алёнушка слезами, села на стожок —
плачет, а козлёночек возле неё скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

— О чём, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Алёнушка про свою беду. Купец ей и говорит:

— Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в золото и серебро, и козлёночек будет жить с нами.

Алёнушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козлёночек с ними живет, ест-пьет с Алёнушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда не возьмись приходит ведьма: стала под Алёнушкино окошко и ласково начала звать её купаться на реку.

Привела ведьма Алёнушку на реку. Кинулась на неё, привязала Алёнушке на шею камень и бросила её в воду.

А сама оборотилась Алёнушкой, нарядилась в её платье и пришла в её хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся — и тот не распознал.

Одному козлёночку все было ведомо.

Повесил он голову, не пьёт, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовёт:

— Алёнушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа зарежь да зарежь козлёнка.

Купцу жалко было козлёночка, привык он к нему. А ведьма так пристает, так упрашивает, — делать нечего, купец согласился:

— Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козлёночек проведаль, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

— Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

— Ну, сходи.

Побежал козлёночек на речку, стал на берегу и жалобнёхонько закричал:

— Алёнушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Алёнушка из реки ему отвечает:
— Ах, братец мой Иванушка!
Тяжёл камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на груди легли.

А ведьма ищет козлёночка, не может найти и посылает слугу:

— Пойди найди козлёнка, приведи его ко мне.

Пошёл слуга на реку и видит: по берегу бегают козлёночек и жалобнёшенько зовет:

— Алёнушка, сестрица моя!

Выплывь, выплывь на бережок.

Костры горят высокие,

Котлы кипят чугунные,

Ножи точат булатные,

Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

— Ах, братец мой Иванушка!

Тяжел камень на дно тянет,

Шелкова трава ноги спутала,

Желты пески на груди легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелковые и вытащили Алёнушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули её в ключевую воду, одели ее в нарядное платье. Алёнушка ожила и стала краше, чем была.

А козлёночек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту, и пустили в чистое поле.

Литературно-художественное издание

0+

Баранова Ольга Ивановна

Хрестоматия для начальной школы
«Волшебный мир сказок»

Издательство «Ярче»

Подписано в печать 19.01.2021 г.
Формат А4. Тираж 30 000.

E-mail: olechka.baranov4@yandex.ru